

Мегамегатон

Мое
СПАСЕНИЕ

18+

МегаМегафон МегаМегафон Моё СПАСЕНИ

<https://litres.ru/74619113>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда его дочь погибла, Леонид Ветров поклялся уничтожить всех, кто к этому причастен. Но случайная пуля, выпущенная в гневе, ранит Гвенею — подругу его дочери, дочь и сестру его врагов. И теперь он вынужден бороться за её жизнь. Он должен ненавидеть её. Он должен мстить её семье. Но когда она открывает глаза и смотрит на него с ужасом, он понимает — его истинное наказание не в смерти, а в том, чтобы спасти ту, кого он должен был убить.

Содержание

Глава 1 Двор, залитый ненавистью	4
Глава 2 "Свет, который я предал"	9
Глава 3 "Пробуждение"	16
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	42
Глава 8	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

МегаМегафон

Моё СПАСЕНИ

Глава 1 Двор, залитый ненавистью

Леонид Ветров ворвался на территорию особняка, как ураган. Охрана Руслана попыталась было преградить путь, но один взгляд — и они отступили. Все знали, кто такой Ветров. И все знали, что его дочь уже три дня как в земле.

Руслан вышел на крыльцо. Он еле держался на ногах — после ранения, после потери жены, после всего. Бледный, осунувшийся, с чёрными кругами под глазами. Он не спал. Он не ел. Он хотел умереть.

Но Леониду было плевать.

Он схватил зятя за ворот футболки, притянул к себе так, что тот чуть не упал. Зубы стиснуты, глаза горят безумием.

— Моя дочь под землёй! — заорал он, тряся Руслана. — Из-за тебя! Из-за тебя, мразь! Ты спал, когда они ворвались! Она прикрыла тебя своим телом, а ты дышишь?! Почему ты, сука, до сих пор дышишь?!

Руслан молчал. Он не оправдывался. Он не просил пощады. Он просто стоял и принимал это, потому что считал, что заслуживает.

— Убей меня, — хрипло выдохнул он. — Убей. Я сам

хочу к ней.

Леонид замахнулся, готовый разmozжить ему лицо.

Но тут между ними вклинилась она.

Гвенея.

Двадцать лет. Кудрявые волосы рассыпались по плечам — тёмные, как ночь, живые, непослушные. Зелёные глаза, которые сейчас горели страхом и решимостью одновременно. Она была маленькой, хрупкой, но в ней чувствовалась сила, которую не разглядеть с первого взгляда.

Она подрабатывала медсестрой. Она ухаживала за Русланом после ранения. Она ухаживала за его маленьким сыном — племянником Гвенеи, которого Руслан теперь растил один.

Она встала между ними, раскинув руки в стороны, закрывая брата собой.

— Дядя Лео, — выдохнула она, заглядывая в его бешеные глаза. — Пожалуйста. Не надо. Он тоже не хотел, чтобы всё так произошло. Он любил её. Он любил вашу дочь!

Леонид остановился. На мгновение. Он узнал её. Та самая девчонка, что три года назад опрокинула на него сок. Подруга Алисы. Младшая сестра Руслана.

— Уйди, — прорычал он. — Это не твоё дело.

Но Гвенея не ушла. Она шагнула ближе, встала прямо перед ним, закрывая брата своим телом.

— Леонид Петрович, — сказала она твёрдо, хотя голос дрожал. — Вы не имеете права так врываться и угрожать мо-

ему брату. Я понимаю вашу боль. Но он — отец. У него маленький сын. Если вы убьёте его, ребёнок останется сиротой.

Ветров зарычал. Внутри него всё кипело. Боль, ярость, безысходность — всё смешалось в один огненный ком.

— Уйди с дороги, — процедил он сквозь зубы. — Ты будешь меня учить? Ты, девочка....?

Она не сдалась. Её зелёные глаза сверкнули, и она выкрикнула то, чего никто никогда не осмеливался сказать ему в лицо:

— Вы стали таким, потому что потеряли дочь! Я понимаю! Но моя мама потеряла сына, когда он женился на вашей дочери! Вы забрали его у нас! А теперь хотите добить?!

Он завис. На мгновение.

Она сказала правду. Ту самую, которую он не хотел слышать. Что его дочь увела Руслана из его семьи. Что у Гвенеи тоже есть право на боль.

Но гнев пересилил.

Он отшвырнул её в сторону. Она упала на колени, ударившись о ступеньку, но тут же вскочила. И снова бросилась между ними.

В руке Леонида уже блеснул пистолет. Он схватил Руслана за ворот одной рукой, приставил дуло к его виску.

— Ты сдохнешь, — прошипел он.

Охрана вмешалась. Трое крепких мужчин пытались отобрать оружие. Началась толкотня, крики, мат. Кто-то хватал Леонида за руку, кто-то пытался оттащить Руслана.

Никто не понял, как это произошло.

Громкий хлопок.

Все замерли.

Каждый проверял себя — не попала ли пуля в него. Ветров смотрел на пистолет в своей руке, пытаясь понять, выстрелил он или нет.

А потом Гвенея покачнулась.

Она не закричала. Она просто опустила глаза вниз — на свой живот, на котором быстро расплывалось тёмно-бордовое пятно. Кровь пропитывала белую медицинскую форму, которую она не успела переодеть после работы.

Она подняла глаза на Леонида. Зелёные, большие, полные ужаса.

И начала оседать.

— НЕТ! — заорал Ветров.

Он рванул к ней, отшвырнув охрану, уронив пистолет. Подхватил её на руки — лёгкую, почти невесомую, с кудрями, разметавшимися по его рукаву.

— ДЬЯВОЛ! — выкрикнул он, прижимая её к груди. — ДЬЯВОЛ!

Она хрипела. Пыталась что-то сказать, но изо рта пошла кровь.

— Молчи, — приказал он, прижимая её голову к своей груди. — Молчи, не говори.

Он уже бежал к машине, огромными шагами, не чувствуя тяжести. Его люди разбегались в стороны, открывая дорогу.

— МАШИНУ! — заорал он водителю. — БЫСТРО! ЖИ-
ВО!

Он запрыгнул на заднее сиденье, прижимая её к себе. Она дрожала мелкой дрожью, её ресницы трепетали.

— Я здесь, — шептал он, касаясь губами её виска. — Ты только не умирай. Пожалуйста. Я прошу тебя.

Он смотрел на её зелёные глаза, которые медленно закатывались, и чувствовал, как мир рушится во второй раз.

Он только что убил единственное светлое пятно которое было в жизни его дочери.

Ту, что посмела встать между ним и его ненавистью.

Ту, что назвала его по имени.

Ту, что была похожа на его дочь.

— Гони, — прошептал он, прижимая её всё крепче. — Гони, мать твою. Если она умрёт — я вас всех закопаю.

Он не знал, молится он или проклинает. Но он знал одно: он не даст ей умереть. Даже если для этого придётся продать душу.

А Гвенея, теряя сознание, чувствовала только его руки — сильные, горячие, дрожащие. И его шёпот:

— Не умирай, девочка. Только не умирай.

Глава 2 "Свет, который я предал"

Тот день Леонид Ветров запомнил навсегда.

Он сидел в кабинете, разбирал бумаги. Внезапно дверь распахнулась без стука. Это было нарушение всех правил. Он поднял голову — и увидел перекошенное лицо своего человека.

— Леонид Петрович... — тот запнулся, сглотнул. — Ваша дочь... Алиса...

— Что с ней? — Ветров встал. Голос стал режущим, как лёд.

— Она вышла замуж, — выдохнул человек. — Тайно. За сына Тарханова.

Мир сузился до одной точки. В ушах зашумело.

— Что ты сказал? — медленно, очень медленно переспросил Леонид.

— За Руслана Тарханова. Венчание было сегодня утром. Сейчас они празднуют в ресторане «Уют» на окраине.

Леонид не помнил, как вышел из кабинета. Не помнил, как сел в машину. Не помнил дороги. Он видел только одно — красную пелену перед глазами.

«Тарханов. Сын Аркадия Тарханова. Враг. Ублюдок, который украл мою дочь».

Машина влетела на парковку ресторана. Охрана уже ждала его, но он отшвырнул их одним жестом. Он вошёл в зал

— и всё вокруг замерло.

Музыка стихла. Гости застыли с бокалами в руках. Свечи дрожали в тишине.

А в центре зала стояла она. Его дочь. Алиса. В белом свадебном платье, счастливая, сияющая. И этот ублюдок — Руслан Тарханов — держал её за руку.

Они только что танцевали. Леонид видел, как кружилась её юбка, как она смеялась, запрокинув голову. Смеялась, пока её отец задыхался от ненависти в трёх метрах от неё.

Алиса увидела его. Счастье на её лице сменилось страхом. Она отпустила руку мужа и бросилась к отцу.

— Папа! — Она врезалась в него, обняла так крепко, будто боялась, что он исчезнет. — Папа, прошу тебя...

Он стоял, не шевелясь. Смотрел поверх её головы на Руслана. Тот шагнул вперёд, но Алиса выставила руку, останавливая его.

— Папа, — прошептала она, подняв на отца глаза. В них стояли слёзы. — Пожалуйста. Без кровопролития. Это не наша война. Мы любим друг друга. Я люблю его, папа. Прошу тебя. Не делай этого.

Он смотрел в глаза своей дочери. И внутри него боролись два человека. Зверь, который хотел разорвать этого выродка на части. И отец, который не мог отказать этой девочке.

Она была всем для него. Светом в его жизни.

Когда-то, двадцать один год назад, какая-то женщина оставила у ворот его особняка корзину. В ней лежала ново-

рождённая девочка с запиской: «Это твоя дочь. Я не могу её растить. Прости».

У него уже был сын, Денис. Но эту девочку он полюбил с первого взгляда. Она была крошечной, беззащитной, и он поклялся — она никогда не узнает боли. Она вырастет в любви, в роскоши, в безопасности.

Он назвал её Алисой. И она стала его сердцем. Его слабостью. Его единственным светом в мире, где всегда было темно.

И сейчас этот свет просил его: «Не делай этого».

Леонид поднял руку и погладил дочь по голове. Поцеловал в макушку. Там пахло её шампунем — цветами и детством.

— Ты не будешь жить в их доме, — сказал он тихо. — Переедете в наш.

Алиса покачала головой. Подошёл Руслан. Встал рядом с женой, но не касался её. Смотрел на тестя прямо, без страха.

— Мы не будем жить у вас, — сказал он. — Но и у них не будем. Мы купили дом. Свой.

Леонид перевёл взгляд на него. В глазах застыл лёд.

— Ты не сможешь её уберечь, — сказал он. — Если ты или твой отец ей навредят — я уничтожу вас всех до единого. Слышишь меня, щенок? Я сожгу вашу фамилию дотла.

— Не тронет, — ответил Руслан. — Отец прогнал меня. Я больше не Тарханов. Я муж Алисы. И это всё, что имеет значение.

Леонид сжал зубы. Он не верил этому человеку. Но он верил дочери. Она смотрела на него с надеждой.

— Хорошо, — сказал он. — Твоя взяла.

Он отошёл от них. Ему нужно было выпить. Нужно было взять паузу, чтобы не убить кого-нибудь на месте.

Он подошёл к фуршетному столу. Потянулся за бокалом с коньяком.

И в этот момент девушка, стоявшая перед ним, резко обернулась.

Стакан в её руке опрокинулся. Сок — тёмный, вишнёвый — пролился на его брюки. Она ахнула, уронила стакан, схватила салфетку и упала на колени.

Начала тереть его брюки дрожащими руками.

— Извините... простите... я сейчас... я не специально...

Она лепетала, не поднимая глаз. Голос дрожал. Руки тряслись так сильно, что она едва держала салфетку.

Леонид смотрел на неё сверху вниз. Он ничего не чувствовал. Только холод.

— Встань, — сказал он жёстко. Без эмоций.

Она поднялась. И тогда он увидел её лицо.

Большие зелёные глаза. Мокрые от слёз. Кудрявые волосы рассыпались по плечам. Она была молодой — совсем девочка. Испуганная, растерянная. Но в ней было что-то... живое. Настоящее.

— Ты — дочь Тарханова? — спросил он.

Она кивнула. Губы дрожали.

— Я... я сестра Руслана, — прошептала она. — Гвенея. Вот оно. Дочь его врага. Сестра того, кто украл его дочь. В голове Леонида закрутились мысли. Шестёрки. Планы. Как отомстить Тархановым? Может, использовать их дочь? Она здесь, перед ним. Беззащитная. Испуганная. Можно надавить. Можно сделать больно. Одним ударом уничтожить семью врага.

Он смотрел на неё и видел оружие. Инструмент мести. Девочка, которую можно использовать против её отца.

Он думал об этом. Строил планы.

Пока она, не выдержав его взгляда, опустила голову и выскользнула. Исчезла в толпе гостей.

А рядом уже стояла Алиса.

— Папа, — сказала она тихо. — Не трогай её.

Он обернулся к дочери.

— Что?

— Ты знаешь, что я имею в виду, — она смотрела на него в упор. — Я знаю этот твой взгляд. Я знаю, о чём ты думал. Не смей трогать их. Гвенея — моя лучшая подруга. Руслан — мой муж. Они стали мне родней, которой не смог стать твой сын.

Это было больно. Сказано в спину, но прямо в сердце. Про сына. Про Дениса, который давно ушёл из семьи, разорвал все связи, уехал в Европу и даже не звонил. Про то, что Алиса осталась одна в этом большом доме с отцом, который носил маску зверя.

— Я не прощу тебя, если ты навредишь ей, — закончила Алиса. — Никогда.

Леонид молчал. Смотрел на дочь и понимал — она права. Он не мог предать её. Он не мог сделать больно тому, кого она любит.

Он кивнул. Один раз. Молча.

Алиса улыбнулась — печально, благодарно — и отошла к мужу.

А Леонид остался стоять с пустым бокалом в руке.

И почему-то в его голове застряли зелёные глаза испуганной девчонки.

Два года спустя. Сегодня.

Теперь он держал эту девчонку на руках.

Ту самую, которую обещал не трогать. Ту, которую Алиса просила не вредить. Ту, которая тогда, два года назад, стояла перед ним на коленях с салфеткой и дрожала от страха.

Сейчас она лежала в его руках, и её кровь заливала его руки. Его пистолет. Его пуля.

«Я убиваю её, — стучало в голове. — Я убиваю ту, кого поклялся не трогать. Ради Алисы. Ради дочери, которую я потерял».

Он не мог предать Алису. Не мог допустить, чтобы Гвеня умерла.

Потому что если она умрёт — он предаст свою дочь дважды. Сначала не уберёт её. Теперь убьёт её подругу. Един-

ственное, что осталось от её жизни. Он не мог этого допустить.

— Дыши, — шептал он, прижимая Гвенею к груди. — Дыши, девочка. Только не умирай. Я не дам тебе умереть. Я не предам её. Слышишь?

Она хрипела. Кровь шла горлом. Она смотрела на него мутными глазами, и в них был страх. И ненависть. Она не понимала, почему он держит её. Почему он дрожит.

Она видела в нём зверя. Убийцу.

Но Леонид видел в ней свою последнюю ниточку. Связь с Алисой. Прощение. Искушение.

Он вжался лицом в её кудрявые волосы. Вдохнул запах крови и чего-то родного.

— Я не дам тебе умереть, — прошептал он. — Клянусь тебе. И ей. Я не предам дочь. Ещё раз.

Он не знал, услышит ли она. Не знал, сможет ли простить. Но он знал одно: он спасёт её.

Даже если для этого придётся продать душу.

<https://litnet.com/shrt/6Dww>

Глава 3 "Пробуждение"

Она открыла глаза. Белый потолок. Белые стены. Резкий запах антисептика и хлора.

Гвенея моргнула. Попыталась пошевелиться — и застонала от острой боли в животе.

— Тише, — раздался голос рядом. — Не двигайтесь.

Она повернула голову. Врач стоял у кровати, смотрел на мониторы.

— Где я? — прошептала она.

— В институте Склифософского. Вы здесь уже неделю. Операция прошла успешно. Выкарабкаетесь.

Неделя. Гвенея попыталась вспомнить. Двор. Брат. Крик. Хлопок. Боль, разорвавшая живот.

И руки. Чьи-то сильные руки подхватили её. Прижимали к груди. Губы коснулись виска. Шёпот:

— Не умирай. Только не умирай.

Его глаза. Бешеные. Полные ужаса. Почему он боялся за неё? Он же хотел убить её брата. Он ненавидит их семью.

— Вам нельзя волноваться, — сказал врач. — Отдыхайте.

Он вышел. Гвенея осталась одна. Смотрела в потолок. В голове крутилось одно: его шёпот и его дрожащие руки.

— Зачем ты меня спас, зверь? — прошептала она в пустоту.

Три часа ночи

Она не спала. Дверь палаты бесшумно открылась.

Он вошёл. Высокий, широкоплечий, в чёрном пальто. Заполнил собой дверной проём. Остановился, глядя на неё из полумрака.

Время остановилось.

Она смотрела на него. Он — на неё. Тёмные глаза встречались с зелёными. Никто не решался заговорить.

— Я... — вырвалось у них одновременно.

Она сглотнула.

— Говорите, — сказала.

— Нет. Говори что хотела.

Она отвела взгляд.

— Я не буду подавать заявление... если вы оставите моего брата. Он тоже страдает. Он потерял жену.

Он шагнул к ней. Навис над кроватью. Она вжалась в подушку.

— Девочка, — сказал он тихо. — Ты думаешь, я боюсь тюрьмы? Думаешь, твоё заявление меня остановит?

Она молчала. Он наклонился ближе.

— Я уничтожу всю вашу семейку, если захочу. Ты, думаешь я пришёл просить тебя молчать? - продолжал он - Пиши что хочешь. Зови кого хочешь. Мне плевать.

Он развернулся. Пошёл к выходу.

— Но вы меня спасли, — сказала она в спину.

Он остановился.

— Я тоже одна из них. Дочь вашего врага. Вы должны бы-

ли дать мне умереть. Но не дали.

Он обернулся. Посмотрел долгим, тяжёлым взглядом.

— Я обещал Алисе не трогать тебя. Я не предаю дочь. Даже мёртвую.

Он хотел еще что-то сказать. Дверь распахнулась с грохотом.

В палату ворвался отец. Аркадий Тарханов. За ним — трое его людей. И следом — Егор.

Аркадий остановился, увидев Леонида у кровати дочери. Глаза налились кровью.

— Ты, — выдохнул он. — Пришёл смотреть, что натворил?

Леонид стоял спокойно. Руки в карманах пальто. Лицо — камень.

— Проведать хотел. Вопросы есть?

— Есть, — Аркадий шагнул к нему. — Какого хрена ты здесь делаешь, Ветров? Ты чуть не убил мою дочь!

— Случайность, — Леонид пожал плечом.

— Случайность?! — Аркадий заорал. — Ты пришёл с пушкой в дом убивать моего сына и называешь это случайностью?!

— Твой сын не уберёг мою дочь. Она умерла, прикрывая его. А он дышит.

— Он любил её! — Аркадий шагнул ближе. — Он мёртв без неё, ты это видишь? Он каждый день на могиле! Ты хоть раз был там?! Или ты только пушки носить умеешь?!

Леонид усмехнулся. Холодно.

— Я — умею. В отличие от твоего щенка, который даже жену не уберёг.

Аркадий рванул к нему. Охрана перехватила. Но он вырвался.

— Заткнись, сука! — заорал он. — Это я из-за твоей дочери потерял сына! Он был моим! А она увела его! И теперь ты пришёл добивать мою семью?!

— Я пришёл к тому, кто ответит за её смерть, — Леонид говорил тихо, но жёстко. — Если узнаю, что твои люди причастны...

Он сделал паузу. Перевёл взгляд на Гвенею. Коротко. Как бы проверяя её реакцию.

— Если это ты прислал тех уродов, — продолжил он, глядя уже на Аркадия, а не на неё, — я сотру в порошок весь ваш грёбанный клан. До последнего.

Гвенея смотрела на него широко открытыми глазами. Он говорил это спокойно, почти буднично. Но в его голосе была сталь. И она чувствовала — он не шутит.

Аркадий усмехнулся. Зло.

— Делай что хочешь, Ветров. Сына тронь — он сам тебя просил об этом. Он сам хочет к ней. Но к дочери...

Он указал на Гвенею. Рука дрожала от ярости.

— К моей дочери не приближайся. Ещё раз увижу рядом — убью. Клянусь.

Леонид смотрел на него. Тёмные глаза сузились.

— Ты угрожаешь мне? Мне?

— Нет, — Аркадий усмехнулся. — Я тебя предупреждаю. Мы не равны, Ветров. Ты — мразь. Всегда был. Я из-за тебя гнил в этой войне тридцать лет. Теперь ты тронул мою дочь. И если она умрёт — я лично приду за тобой. И этот разговор не повторится.

Тишина. Два авторитета смотрели друг другу в глаза. Искры летели между ними.

Леонид перевёл взгляд на Гвенею. Снова. Коротко. Проверял. Или прощался.

— Держи её подальше от меня, — сказал он тихо. — Развернулся и ушёл. Дверь закрылась.

В палате стало тихо. Только гудение аппаратуры и тяжёлое дыхание отца.

Гвенея не успела прийти в себя, как Егор уже был рядом. Он опустился на край её кровати, схватил руку, переплёл пальцы.

— Господи, — выдохнул он, прижимая её ладонь к губам. — Ты как? Я так испугался. Никогда не думал, что могу так испугаться.

Он наклонился, поцеловал её в лоб. Долго, нежно.

— Ты жива. Слава богу. Я больше некогда не оставлю одну. Слышишь?

Гвенея закрыла глаза. Чувствовала его руки. Его тепло. Правильно. Надёжно.

Но в голове крутился образ Леонида. Его холодный голос.

Его слова: «Сотру в порошок весь ваш грёбаный клан». И короткий взгляд на неё. Как будто он хотел увидеть, что она почувствует.

«Почему ты смотрел на меня? — думала она. — Почему ты проверял мою реакцию?»

Она открыла глаза. Посмотрела на Егора. Улыбнулась. Но внутри было пусто.

Глава 4

Прошёл месяц.

Леонид сидел в своём кабинете перед камином. В руке — бокал с виски. Он смотрел на огонь, но не видел его. Перед глазами стояло другое.

Он вспоминал тот день, когда нашёл стрелявших в его дочь. Двое. Мелкие шестёрки. Они дрожали, когда их привели к нему.

— Мы не хотели, — лепетал один. — Нам сказали... Тархановым отомстить... Мы не знали, что там будет ваша дочь...

Леонид слушал. Внутри было пусто.

— Вы облажались, — сказал он тихо. — Тронув мою дочь.

Их убивали долго. Мучительно. Он смотрел на это и не чувствовал ничего. Ни облегчения, ни боли. Только пустоту. Они умерли. Алиса не воскресла. Стало только хуже.

Он думал о внуке. Артём. Единственное, что осталось от Алисы. Он должен забрать его. Ребёнок не должен жить в доме Тархановых. Он — Ветров. Его кровь.

Леонид сделал глоток. Огонь в камине трещал. В ушах стоял голос дочери: «Папа, пожалуйста. Без кровопролития».

«Я не смог, дочка, — подумал он. — Я не смог уберечь тебя. Но его я уберегу. Клянусь».

Он уже решил — завтра он поедет за внуком. Заберёт си-

лой, если потребуется. Ребёнок не должен расти с Тархановыми. Он не допустит.

Он сделал ещё глоток.

И в этот момент услышал шум. Ворота открывались. Визг шин. Крики.

Он встал. Бокал остался на столе. В кабинет ворвался человек.

— Леонид Петрович! На дом Руслана Тарханова снова напали! Мы смогли вывести девушку и ребёнка. Ваш зять мёртв.

Мир сузился до одной точки.

Он вышел быстрыми шагами. Спустился с крыльца. Машина стояла во дворе, двигатель работал. Дверь распахнулась.

Она выскочила из машины.

Гвенея. Босая. В пижаме. Заплаканная. Кудри растрепаны, лицо мокрое от слёз.

Она увидела его — и рванула к нему.

— Это вы! — закричала она. — Это вы сделали! Зачем?! Зачем вы убили его?!

Она начала бить его по груди кулаками. Слабые удары. Беспомощные. Она плакала и кричала.

Леонид схватил её за один кулак. Потом другой рукой взял за затылок. Притянул её голову к своей груди.

— Где мальчик?! — крикнул он поверх её головы своим

людям. — Где Артём?!

— Цел! — ответили ему. — Ребёнок уснул, но он цел!

— Занесите в дом! Врача быстро!

Она всё ещё пыталась оттолкнуть его. Брыкалась. Кричала.

— Зачем?! Он ничего вам не сделал! Он не виноват! Зачем вы убили его?!

Леонид схватил её за другой кулак, встряхнул. Она замолчала.

— Девочка, — сказал он жёстко. — Ты спятила? Я что, буду стрелять в своего внука?

Она замерла. Отдёрнула руки. Посмотрела на него широко открытыми глазами.

— А кто ещё? — сказала она громко. — Кто мог так поступить?

Она отвернулась. Прошептала:

— Я не понимаю... Я ничего не понимаю...

Её тело обмякло. Она покачнулась. Леонид сделал шаг и прижал её к себе. Её голова запрокинулась назад. Она потеряла сознание.

Один из его людей подбежал, чтобы забрать её. Леонид поднял другую руку — не подходить. Сам подхватил её под ноги. За нёс в дом.

Врач осмотрел и ребёнка, и Гвенею. Артём спал, целый и невредимый. Гвенея была в глубоком обмороке — стресс,

потеря крови, нервное истощение.

Леонид стоял в гостиной и слушал доклад.

— Начали обстрел, — говорил его человек. — Планировали убить всех, кто был в доме. Мы вывели ребёнка и девушку сначала. Вернулись за Русланом — он уже не дышал. Мы уехали. Дом подожгли.

Леонид сжал челюсть. Он хотел, чтобы Руслан сдох. Мечтал об этом. Но сейчас, когда это случилось... когда его внук остался круглым сиротой... внутри что-то шевельнулось. Что-то, чему он не давал имени.

Он хотел мстить. Но не так. Не через внука. Не через неё. Машины въехали во двор. Леонид знал, кто это. Он вышел. Стоял на крыльце.

Аркадий Тарханов выскочил из машины. Лицо перекошено от ярости. Он орал ещё с порога:

— Я что сказал тебе?! Почему моя дочь у тебя?!

— Ты с ума сошёл, старый хрен?! У тебя сына убили, — ответил Леонид холодно. — Мои люди спасли твою дочь и внука. Ты бы хотел, чтобы я их бросил?

— Где моя дочь?! — Аркадий шагнул к нему. Охрана застыла рядом. — Пусть приведут Гвенею! Я забираю её!

— Она без сознания, — сказал Леонид.

В этот момент дверь дома распахнулась. Гвенея выбежала на крыльцо. Бледная, растрёпанная.

— Папа! — закричала она. — Папа! Брата убили! Брата

убили!

Она бросилась к отцу, обняла его. Рыдала.

— Тише, — сказал Аркадий, прижимая её к себе. — Тише, дочка. Я здесь.

Он поднял глаза на Леонида.

— Забирай дочь, — сказал Леонид. — И уезжайте.

— Нет! — Гвенея рванулась от отца. — Артём! Я не поеду без него!

Леонид развернулся.

— Мой внук никуда не поедет, — сказал он.

— Я и не прошу! — выкрикнул Аркадий. — Мне ничего не надо, связанное с твоей дочерью! И с её ребёнком!

— Папа! — Гвенея вцепилась в руку отца. — Я не могу бросить его! Он без меня напугается! Он здесь никого не знает! Пожалуйста!

Леонид стоял, слушал и чувствовал, как внутри что-то горит.

— Я не хочу видеть кровь этого ублюдка в своём доме! — закричал он вдруг.

— В нём и твоя кровь течёт! — закричала она в ответ. — Не забывай! Я не уеду без него!

Она попыталась забежать в дом. Леонид схватил её за кисть, останавливая.

— Мой внук никуда из этого дома не денется, — сказал он с нажимом. — Забирай дочь. Валите из моего двора.

Гвенея смотрела на него. Ярость горела в её зелёных гла-

зах. Она выдернула руку.

— Тогда и я остаюсь, — сказала она.

Леонид молчал. Слово «остаюсь» засело у него глубоко внутри. Эхом. Оно билось в висках.

— Ты не останешься здесь! — закричал Аркадий. — В машину! Быстро!

Двое его людей шагнули к ней. Гвеня отшатнулась. Спряталась за спиной Леонида. Схватила его за рубашку на спине обеими руками.

Леонид почувствовал это. Её пальцы. Дрожащие. Вцепившиеся в его одежду.

— Это не моё дело, — сказал он. — Но если кто-то не хочет уходить из моего дома насильно — увозить я не позволю.

— Да кто ты такой?! — заорал Аркадий. — Чтобы запретить мне забрать дочь?!

— Я не держу её насильно, — ответил Леонид спокойно. — Но она сейчас за моей спиной. И если ты хочешь её забрать — тебе придётся меня оттолкнуть. А тот, кто хочет меня толкнуть, дорого платит.

— Ты угрожаешь мне?!

— Предупреждаю. Тебе это надо?

Аркадий сжал кулаки. Смотрел на дочь, которая пряталась за спиной его врага.

— Оставь своего упыря, — сказал он. — Но дочь отдай.

— Я не оставлю его здесь! — крикнула Гвеня из-за спины Леонида. — Я не брошу Артёма!

Аркадий рванул к ним. Охрана напряглась.

Леонид чуть повернулся. Дал ей разрешение вцепиться ещё сильнее. И в этот момент у каждого человека Аркадия появились красные точки на лбах. Прицелы снайперов.

Аркадий замер. Глаза расширились. Он смотрел на дочь, на врага, на красные точки.

— Ты... — выдохнул он.

— Я же сказал, — тихо ответил Леонид. — Если хочешь забрать насильно — тебе придётся. Дорого. Очень дорого заплатить.

Аркадий смотрел на него. Ненависть в его глазах смешалась с бессилием. Он не мог забрать дочь. Не мог оставить её здесь. Но он не мог и начать войну — сейчас, на территории Ветрова.

— Это ещё не всё, — сказал он. — Завтра я заберу дочь. Он шагнул назад. Охрана отступила с ним.

— Я её не держу насильно, — повторил Леонид.

Гвенея всё ещё стояла за его спиной. Её пальцы вцепились в его рубашку. Она не отпускала. Он чувствовал, как она дрожит.

— Остаюсь, — прошептала она едва слышно. Он услышал.

И внутри него что-то перевернулось.

Глава 5

Гвеня стояла за его спиной. Пальцы всё ещё вцепились в его рубашку. Дрожали. Она слышала, как уезжают машины отца. Как стихает шум. Как хлопает дверца последнего авто.

Она осталась. Одна. В доме врага.

Её пальцы начали медленно разжиматься. Один за другим. Она отпускала его рубашку, будто отрывала себя от единственной опоры. Ладонь скользнула по его спине, задержалась на мгновение — и упала.

Леонид стоял неподвижно. Чувствовал, как её пальцы ослабевают. Как она отстраняется. Медленно, неохотно, будто боясь отпустить единственное тёплое место в этом мире.

Он обернулся через плечо. Посмотрел на неё тяжело, исподлобья. Она стояла босая. Кудри растрепаны, глаза опухшие от слёз. Она смотрела в пол. Молчала. Руки безвольно висели вдоль тела.

— Зайди, — сказал он. Голос был хриплым, низким. — Здесь холодно.

Она подняла на него глаза. Зелёные, влажные, полные боли. На мгновение их взгляды встретились. Она не знала, что ответить. Не знала, хочет ли заходить. Но ноги сами сделали шаг.

Она переступила порог. Зашла в дом.

Леонид смотрел ей вслед. Видел, как дрожат её плечи. Как

она обхватила себя руками, будто пытаюсь согреться. Как босая ступает по паркету, оставляя влажные следы.

Он сжал челюсть. В груди что-то дрогнуло. Он не дал этому имени.

Он повернулся к своему человеку.

— Узнай всё, — сказал он тихо. — Каждый, кто посмел тронуть дом, зная, что там мой внук. Из-под земли достаньте ту сволочь, которая посчитала меня никем.

Человек кивнул и исчез.

Леонид достал телефон. Набрал номер. Короткие приказы. Жёсткие. Не терпящие возражений.

— Видео с камер мне на стол. Через час.

Он говорил, а сам смотрел на лестницу. Туда, где только что исчезла она.

Через час Леонид поднялся на второй этаж. В руках — планшет с видео. Он шёл медленно, не чувствуя усталости. В голове прокручивались кадры — кто зашёл, кто стрелял, кто отдавал приказы.

Он подошёл к комнате, куда её занесли. Дверь была открыта. Он хотел постучать. Поднял руку.

Но замер.

Из комнаты доносились звуки. Приглушённые, сдавленные. Плач. Она плакала в подушку, чтобы никто не слышал. Но он слышал.

Леонид толкнул дверь. Вошёл.

Она лежала на кровати, свернувшись калачиком. Спрятала лицо в подушку. Плечи вздрагивали. Она даже не заметила, что он вошёл. Она была где-то далеко. Там, где горел дом. Где умирал брат. Где рушился мир.

Он стоял и смотрел на неё. Видел её дрожащие плечи. Слышал её всхлипы. Понимал эту боль — ту, которую ничем не унять. Ему было знакомо это чувство. Он сам носил его внутри уже месяц.

Он молчал. Не сказал ни слова. Просто стоял и смотрел, как она плачет. И знал — он ничего не может сделать. Утешить её — не в его силах. Он не умеет. Он никогда не умел.

Он вышел. Бесшумно прикрыл дверь.

Прошёл по коридору. Заглянул в комнату к внуку. Артём спал. Крошечный, беззащитный. Светлые волосы разметались по подушке. Губы приоткрыты. Он дышал ровно и спокойно, не зная, что его мир тоже рухнул.

Леонид постоял у порога. Смотрел на него. На единственное, что осталось от Алисы.

Потом развернулся и пошёл в кабинет.

Он налил себе виски. Сел у камина. Огонь трещал, бросал тени на стены. За окном начался дождь. Сначала редкие капли. Потом сильнее. Потом — сплошная стена, бьющая по стёклам. Ветер завывал в трубе.

Леонид смотрел на огонь. Сделал глоток. Горечь обожгла горло.

Он думал о ней. О её плаче. О её пальцах, которые вцепились в подушку. О том, как она стояла босая на холодном крыльце, дрожа от холода и страха.

Он вспомнил, что она лежала без одеяла. Простыня сбилась. Она замёрзнет. Так и уснёт — дрожа от холода.

Он встал. Поставил бокал на стол. Поднялся наверх.

Он зашёл в комнату. Надеялся, что она уснула. В коридоре было тихо. Но когда он открыл дверь, кровать была пуста. Простыня скомкана. Подушка — мокрая от слёз.

Он замер. Сердце на мгновение остановилось.

«Где она?»

Он вышел в коридор. Прошёл по лестнице. Заглянул в гостиную — пусто. На кухню — пусто.

Он знал, куда идти. К внуку.

Он открыл дверь детской и замер.

Она спала. Обнявшись с Артёмом. Прижималась лицом к его голове. Рука обнимала ребёнка, защищая его даже во сне. Она свернулась калачиком на краю кровати. Её кудри разметались по подушке. Ресницы влажные. Губы чуть приоткрыты.

Они спали вдвоём. Маленький мальчик и его тётя. Единственные, кто остался друг у друга.

Леонид застыл на пороге. Смотрел на них.

В комнате было тихо. Только дождь за окном и ровное дыхание двоих. Свет от ночника падал на их лица — тёплый,

мягкий. Огонь в камине внизу ещё трещал, отбрасывая блики на стены.

Она прижималась к мальчику, как к единственному спасению. Она боялась потерять и его. Он чувствовал это — даже во сне. Её пальцы сжимали край его пижамы. Она держалась за него, как за последнюю ниточку.

Это было чистое. Живое. Настоящее.

Что-то шевельнулось в груди Леонида. Тёплое, незнакомое. Он не дал этому имени. Он быстро погасил это чувство, загнал его вглубь. Но оно осталось. Где-то там, куда он не хотел заглядывать.

Он подошёл к кровати. Бесшумно. Осторожно. Взял одеяло, лежавшее в ногах. Укрыл их. Сначала мальчика — поправил край, чтобы не замёрз. Потом её — накинул на плечи, прикрыл босые ноги.

Она не проснулась. Только вздохнула тихо и прижалась к ребёнку ещё крепче.

Леонид стоял и смотрел на них. Долго. Несколько минут. Может, больше. Он смотрел на её лицо — даже во сне оно было напряжённым. На её руку, которая обнимала его внука. На её ноги, которые поджались от холода.

Он чувствовал, как внутри тает лёд. Тот самый, что сковал его сердце в день смерти Алисы.

Он не хотел этого. Не должен был.

Но он чувствовал.

Он развернулся и вышел. Бесшумно прикрыл дверь.

Спустился в кабинет. Сел у камина. Взял бокал с виски, который остыл. Сделал глоток.

Он смотрел на огонь и думал о ней. О том, как она спит, обнявшись с его внуком. О том, как её пальцы вцеились в его рубашку. О том, как она сказала: «Остаюсь».

Он не знал, что с этим делать. Он не умел чувствовать. Он умел только ненавидеть.

Но сегодня он почувствовал что-то другое.

Что-то, что пугало его больше, чем любой враг.

Глава 6

Она ничего не ела.

Утром уборщица принесла завтрак — кашу, тосты, чай. Гвеня поблагодарила, но еда остыла на столе. Она сидела в комнате, обняв колени, и смотрела в одну точку. Есть не хотелось. Пить не хотелось. Дышать — тоже.

Артём проснулся рано. Он не понимал, что случилось. Только спрашивал: «Где папа?» Она гладила его по голове, прижимала к себе и шептала: «Папа уехал, маленький. Он скоро вернётся». Она не могла сказать ему правду. Не сегодня.

Весь день она провела с ним. Играла в машинки, рисовала, читала сказки. Улыбалась ему, чтобы он не боялся. Но как только мальчик отвлекался, её лицо становилось пустым. Глаза — мокрыми.

Она выходила в коридор, зажимала рот ладонью и плакала. Тишину разрывали только её сдвоенные всхлипы. Потом она вытирала слёзы и возвращалась к Артёму.

Леонид видел это. Стоял в конце коридора, смотрел, как она выходит из комнаты заплаканная. Как вытирает лицо рукавом рубашки.

Он молчал.

Рубашка была его. Большая, белая, на несколько размеров больше. Она, наверное, попросила уборщицы. Слишком

свободная на её хрупких плечах, спускалась почти до колен. Поверх пижамы. Она куталась в неё, как в одеяло. В ней она выглядела ещё меньше. Ещё беззащитней.

Леонид смотрел на неё и ничего не говорил. Только сжимал челюсть.

Он увидел, как она вышла во двор. Босая, в его рубашке. Стояла на холодном крыльце, обхватив себя руками. Ветер трепал её кудри.

Леонид вышел следом. Остановился в нескольких шагах. Смотрел, как она дрожит.

— Ты как? — спросил он.

Голос был тихим, хриплым. Она подняла голову. Посмотрела на него. Зелёные глаза — опухшие, покрасневшие. В них была такая боль, что он едва выдержал этот взгляд.

— Не знаю, — сказала она. Голос сорвался. — Очень больно. Очень тяжело.

Она говорила тихо, будто не ему. Будто самой себе.

Леонид стоял, руки в карманах брюк. Смотрел в сторону — на деревья, на небо, куда угодно, только не в её глаза. Молчал.

Он не знал, что сказать. Слова утешения казались пустыми. Ложными. Она потеряла подругу, потом брата. Что он мог сказать ей? «Всё будет хорошо»? Он сам не верил в это.

Он развернулся. Хотел уйти. Но остановился у двери.

— Зайди внутрь, — сказал он холодно. — Холодно.

Она не ответила.

— Я жду человека, — сказала она ему в спину. — Я попросила привезти свои вещи.

Он не обернулся. Просто зашёл в дом. Она видела, как его спина скрылась в темноте коридора.

Через час раздался сигнал машины.

Гвенея вышла во двор. Егор стоял у машины, открыл багажник. Увидел её — и рванул навстречу.

— Гвенея! — он обнял её, прижал к себе. Она чувствовала его тепло, его руки, его дыхание.

— Ты как? — он отстранился, заглянул в глаза. — Ты вся дрожишь. Почему ты здесь? Зачем ты осталась?

Она покачала головой. Хотела что-то сказать, но он наклонился и поцеловал её в губы.

Она не ожидала. Её тело напряглось. Она не хотела этого сейчас. Не здесь. Не когда брат только что умер. Она отстранилась — резко, почти грубо. Отвела голову.

— Егор, не надо, — сказала она.

Он замер. Посмотрел на неё. В его глазах промелькнула боль. Она заметила это, но не могла ничего поделать. Она не хотела его обижать. Но сейчас она вообще ничего не хотела.

Гвенея подняла глаза на дом. На второй этаж. В окне мелькнула тень. Кто-то отвернулся. Быстро. Она узнала эту фигуру. Леонид.

Она отвела взгляд. Взяла сумку с вещами.

— Зачем ты остаёшься здесь? — Егор шагнул к ней. — Давай я заберу тебя. И ребёнка. Мы поедem в дом твоего от-

ца. Там безопасно.

— Я не могу, — сказала она. — Артём не поедет. А я без него не уйду.

— Гвенея...

— Егор, пожалуйста, — она посмотрела на него устало. — Ты хороший. Я знаю, что ты переживаешь. Но я не могу сейчас думать ни о чём. И даже, о нас. Я только потеряла брата. Алису. Меня ранили. Я не успела прийти в себя. Я не могу... не сейчас.

Он смотрел на неё. В его глазах была боль. Но он кивнул.

— Похороны завтра, — сказал он. — Приходи.

Она кивнула.

— Я приду.

Он хотел обнять её ещё раз. Но она сделала шаг назад. Он понял. Он залез в машину и уехал.

Гвенея стояла, сжимая сумку. Смотрела, как машина скрывается за воротами. И понимала - что он хочет от неё. И не могла ему дать, не сейчас.

Она зашла в дом. Поднялась в комнату. Переоделась в свои вещи — джинсы, футболку, кофту. Своё. Родное.

Она пошла к Артёму.

Она зашла в комнату и остановилась.

Леонид сидел на полу. Полулежа, на ковре. Перед ним — Артём. Они катали машинки. Леонид двигал красную машинку, мальчик — синюю. Водил по воображаемой дороге, что-то жужжал, изображая мотор.

Леонид катал свою машинку медленно, неуклюже. Он не умел играть с детьми. Он никогда не играл. Даже с Алисой. Он не знал, как. Но сейчас он сидел на полу, в дорогом костюме, и катал машинку перед внуком.

Артём смеялся. Тихо, негромко. Но смеялся. Впервые за день.

Гвеня замерла в дверях. Смотрела на них.

Она видела, как этот суровый, опасный мужчина — враг её семьи, и человек который стрелял в неё — сидит на полу с её племянником. Как его большие руки осторожно двигают маленькую машинку. Как он смотрит на мальчика. Как его лицо становится мягче на мгновение.

Она чувствовала, как внутри что-то дрожит.

— Если у вас дела, — сказала она. — Идите. Я побуду с ним.

Леонид поднял голову. Посмотрел на неё коротко — один быстрый взгляд. Кивнул. Встал с пола. Отряхнул брюки.

— Я уезжаю, — сказал он, направляясь к выходу. — Если что-то понадобится — скажешь уборщице. Она мне передаст.

— Хорошо, — сказала она, отворачиваясь.

Он уже взялся за ручку двери. Но она добавила:

— Нужна одежда для ребёнка. И лекарства. Если что... на всякий случай. И...

Он остановился. Не дал договорить.

— Одежду и игрушки привезут через час, — сказал он.

— А всё остальное... купим позже. Когда я приеду — отвезу тебя куда надо.

Он вышел. Не дождался её ответа.

Гвенея стояла в центре комнаты. Слышала, как его шаги стихают в коридоре. Как открывается входная дверь. Как заводится двигатель машины.

Она посмотрела на Артёма. Он сидел на полу и смотрел на неё. В его глазах была тревога.

— Тётя Гвенея, — сказал он. — Ты плачешь?

Она провела рукой по лицу. Щёки были мокрыми.

— Нет, маленький, — прошептала она. — Это просто дождь.

Она села на пол рядом с ним. Притянула его к себе. Поцеловала в макушку. Он пах молоком и солнцем. Она вдыхала этот запах и чувствовала, как внутри теплеет.

Он забрался к ней на колени. Прижался щекой к её груди.

— Мама вернётся? — спросил он.

Гвенея закрыла глаза. Слезы побежали по щекам.

— Скоро, — прошептала она. — Скоро, маленький.

Она гладила его по голове и смотрела в окно. Видела, как машина Леонида выезжает за ворота.

Она не знала, что он смотрел в зеркало заднего вида. И видел её силуэт в окне. Видел, как она держит на руках его внука. И чувствовал, как внутри него что-то ломается. Что-то, что он так долго держал взаперти.

«Я не должен чувствовать этого, — думал он, сжимая

руль. — Она — дочь врага. Она — никто для меня».

Но она была в его голове. И он не мог её отпустить.

Глава 7

Леонид вернулся вечером. Уборщица встретила его в прихожей, забрала пальто.

— Она не ела, — сказала тихо. — Весь день ни крошки. Только чай.

Он кивнул, не показывая эмоций. Снял пиджак, повесил на вешалку. Прошёл к лестнице.

На втором этаже было тихо. Он заглянул в комнату внука — Артём уже спал, раскинувшись на кровати, одеяло сбилось. Он поправил его, постоял секунду, глядя на ребёнка.

Потом подошёл к её комнате. Постучал.

Дверь открылась почти сразу. Гвеня стояла на пороге — бледная, уставшая, с опухшими глазами. Она смотрела на него настороженно.

— Артём спит, — сказала она. — Что-то случилось?

— Нет, — ответил он. — Надо поговорить. Спустишь в столовую.

Он развернулся и пошёл вниз, не оглядываясь. Через минуту услышал её шаги за спиной.

Они сели за стол. Уборщица начала накрывать — суп, мясо, овощи. Леонид указал на стул напротив себя.

— Садись.

Она села. Смотрела на тарелки, на приборы, куда угодно, только не на него.

— Говорите, о чём хотели поговорить, — сказала она.

Он взял вилку, отрезал кусок мяса.

— Сейчас поужинаем. Потом поговорим.

— Я не хочу есть.

Он поднял на неё глаза. Тяжёлый взгляд.

— Так не пойдёт.

Она открыла рот, чтобы возразить. Он перебил:

— Ты присматриваешь за моим внуком. Если ты ослабнешь и упадёшь в обморок перед ребёнком — он испугается. Нам этого не надо.

Она смотрела на него и понимала — он прав. Её голова кружилась с утра. Она чувствовала слабость. Артём и так напуган, она не имела права падать в обморок перед ним.

— Возьми вилку и ешь, — сказал он.

Она нехотя взяла вилку. Начала ковыряться в тарелке, но кусок в рот так и не положила.

Он ел. Смотрел на неё.

— Мне тебя покормить? — спросил он.

Она подняла глаза.

— Что?

— Мне тебя покормить, как ребёнка? Почему не ешь?

Она сглотнула. Взяла кусок мяса, положила в рот. Прожевала. Глотать было трудно. Но она справилась.

— Вы знаете, кто стрелял? — спросила она. Голос дрожал.

— Пока нет. Но мстят твоему отцу.

Она замерла.

— А значит, и ты в опасности!

Вилка выпала из её руки. Зазвенела о тарелку.

— К-как? — она побледнела. — То есть... если хотят до-
браться до меня... может пострадать Артём?

Она вскочила на ноги.

— Я уеду. Я должна уехать отсюда. Сейчас же.

— Сядь, — сказал он.

— Нет, я...

— Я сказал — сядь.

Она села. Дрожащей рукой схватилась за край стола.

— Во-первых, — сказал он, — в моём доме вы оба в без-
опасности. Здесь никто не посмеет тронуть моего внука.

— А во-вторых? — спросила она.

— А во-вторых, ты собираешься на похороны брата?

Она кивнула.

— Да.

— Ты умеешь стрелять?

Она уставилась на него с ужасом.

— Нет. Я спасаю жизни, а не отбираю.

— Иногда приходится отбирать, — он смотрел в одну точ-
ку, через её плечо. — Когда твоя собственная жизнь в опас-
ности.

Она молчала.

— Драться тебя учил отец? Самооборона?

— Нет, — прошептала она.

Он кивнул. Словно ждал этого ответа.

— Алиса рассказывала, что вы её всему обучили, — сказала она. — Она говорила, что умеет и стрелять, и драться, и...

— Да, — перебил он. — Я учил её. Чтобы она могла постоять за себя. А не прикрыть собой своего...

Он запнулся. Сжал челюсть.

— Своего мужа, — закончил он. — Может, если бы она не была такой смелой, она была бы жива.

Гвеня смотрела на него. В её глазах загорелась злость.

— Мой брат не был трусом, — сказала она. Голос её дрожал, но был твёрдым. — Он пошёл против отца ради любимой. Они были счастливы. А когда напали — он сказал, чтобы увезли меня и Артёма. Он прикрыл нас, хотя знал, что не выживет. Стреляли со всех сторон. Он остался, чтобы мы уехали.

Леонид смотрел на неё. Молчал. Она взяла салфетку, прижала к губам. Подбородок дрожал.

— В любом случае, — сказал он, — ты в опасности. Завтра похороны. Есть одна ночь. Поехали!

Она подняла на него глаза.

— Куда? — спросила она тихо.

Он посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом.

— Будем учить тебя стрелять.

Он встал из-за стола. Бросил салфетку. Обернулся на пороге.

— Что сидишь? Поехали.

Она смотрела на него. Сердце колотилось где-то в горле.
Она встала. Вышла за ним во двор.

Глава 8

Они вышли из дома в тишину ночи. Дождь только что закончился, асфальт блестел под тусклым светом фонарей. Воздух был влажным и холодным. Гвеня шла следом за Леонидом. Она не спросила, куда они едут. Ей было всё равно.

Он открыл ей дверцу машины, она села. Захлопнул, обошёл капот и сел за руль. Двигатель заурчал. Они выехали за ворота и растворились в ночи.

Гвеня смотрела в окно. Фонари проплывали мимо, оставляя за собой длинные тени. Тишина в машине была тяжёлой, почти осязаемой.

— Зачем вы меня везёте? — спросила она, не поворачивая головы.

— Учиться стрелять, — коротко ответил он.

Она усмехнулась. Горько, тихо.

— А если я не хочу?

— Ты уже не маленькая, чтобы хотеть или не хотеть, — ответил он жёстко. — Ты — дочь Тарханова. Ты в опасности. И если завтра на похоронах что-то случится — ты должна защитить себя и случая чего, моего внука.

Она промолчала. Спорить не было сил.

Машина остановилась у старого промышленного склада. Леонид вышел, открыл массивные ворота. Защёлкали выключатели — зажглись тусклые лампы, освещая тир. Мише-

ни, стол, ящики с оружием.

Гвенея стояла на пороге, не решаясь войти.

— Я не возьму в руки пистолет, — сказала она.

— Возьмёшь, — сказал он. — Ты должна.

— Я не хочу убивать.

— Никто не хочет, — ответил он, подходя к столу. — Но когда выбора нет — ты будешь стрелять.

Она стояла и смотрела, как он достаёт пистолет, проверяет обойму. Его руки уверенные, точные. Она вдруг подумала, что эти руки держали пистолет, который ранил её. Что эти руки убивали. Что они — руки врага. Человека, который ненавидит её семью. Отца, потерявшего дочь.

— Я не могу, — прошептала она.

Он подошёл к ней. Взял её за руку. Вложил пистолет в ладонь. Холодный металл обжёг кожу.

— Держи, — сказал он.

Его пальцы накрыли её. Он стоял за спиной, так близко, что она чувствовала его дыхание на своих волосах. Он поднял её руки с пистолетом, направил на мишень. Она видела только его руки, обхватывающие её. Чувствовала его тепло.

— Смотри в прицел, — сказал он. Голос низкий, хриплый.

— Не дыши. На выдохе — плавно нажимай.

Она выстрелила. Пистолет дёрнулся, отдавая в плечо. Пуля ушла в стену.

— Ещё, — сказал он.

Она выстрелила снова. Опять мимо.

— Ты боишься, — сказал он. — Оружие чувствует страх.

Она развернулась к нему резко. Их лица оказались в нескольких сантиметрах. Она смотрела в его глаза и ненавидела его за то, что он был так близко. За то, что она чувствовала его. За то, что ей хотелось, чтобы он не отпускал её.

— Я не боюсь, — сказала она.

— Врёшь, — ответил он.

И тогда она поцеловала его.

Сама. Первая. Не думая, что делает. Она просто хотела забыться. Хотя бы на мгновение. Она прижалась к нему, вцепилась в его рубашку, чувствуя, как он замер от неожиданности. А потом ответил. Жадно, грубо, безнадёжно.

Он прижал её к стене, отшвырнув пистолет куда-то в сторону. Его руки сжимали её талию, её плечи, её волосы. Она впивалась в него, не давая опомниться. Ей хотелось, чтобы он взял её. Прямо здесь. Прямо сейчас. Чтобы она наконец почувствовала что-то кроме боли, кроме пустоты, которая разъедала её изнутри.

— Я хочу тебя, — прошептала она ему в губы.

Он зарычал. Подхватил её на руки, усадил на стол. Она оказалась на уровне его глаз. Он смотрел на неё — на её расчёпанные кудри, на горящие зелёные глаза, на приоткрытые губы. Она была красивой. Нежной. И безумно желанной.

— Останови меня, — прошептал он. — Скажи мне «нет».

— Ты пожалеешь.

— Мне всё равно, — ответила она.

Он смотрел на неё — на горящие глаза, на приоткрытые губы.

— Ты не представляешь, что ты со мной делаешь, — сказал он хрипло.

— Тогда покажи, — прошептала она.

Он зарычал. Притянул её к себе, впился в шею.

Он целовал её шею, её ключицы, срывал с неё футболку. Она запрокинула голову, чувствуя его губы на своей коже. Она хотела, чтобы он не останавливался. Хотела, чтобы он взял её грубо, сильно, без нежности.

— Скажи, что хочешь, — прорычал он. — Скажи.

— Хочу, — прошептала она. — Пожалуйста. Я хочу заняться.

Он сорвал с неё остатки одежды. Она осталась перед ним полностью обнажённой. Он смотрел на неё — и вдруг замер.

Она видела, как его глаза пробегают по её телу. Видела, как он смотрит на её ноги, которые она сжала, чтобы спрятаться от его взгляда. Он положил руку на её бедро, провёл вверх. И остановился у шрама от пули.

— Ты не была с мужчиной, — сказал он. Голос его изменился. Стал ниже, хриплее.

Она молчала. Смотрела на него снизу вверх. Стыд обжёг лицо.

— Ты девственница, — сказал он.

— Какая разница? — прошептала она.

— Это не правильно.

Он сделал шаг назад. Схватил её одежду, кинул ей в руки.
— Оденься, — сказал он.

Она смотрела на него, не веря. Только что он хотел её. Срывал одежду. Целовал. Говорил, что хочет. А теперь он стоял перед ней и смотрел так, будто она была ребёнком. Будто она была ошибкой.

— Ты шутишь? — прошептала она.

— Я сказал — оденься, — повторил он. Твёрдо. Холодно. Глаза его уже не горели.

— Ты боишься? — спросила она. Голос дрожал от унижения. — Испугался, что я не такая, как все твои женщины? Что я неопытная? Что я тебя испорчу?

— Ты даже не представляешь, что ты говоришь, — сказал он. — Девочка, ты не знаешь, что делаешь.

— Я знаю! — закричала она. — Я хочу этого! Я хочу тебя! Ты думаешь, я не могу принять решение? Я — взрослая женщина! Я знаю, чего хочу!

— Ты ничего не знаешь, — сказал он тихо. — Ты потеряла брата. Ты в отчаянии. Ты ищешь утешения в том, кто должен быть твоим врагом. Это неправильно. Это унизит тебя. И ты будешь ненавидеть меня за это. И себя — тоже.

— Я уже ненавижу тебя, — прошептала она.

Он смотрел на неё. В его глазах мелькнула боль.

— Возможно, — сказал он. — Но я не дам тебе ненавидеть себя из-за меня. Оденься.

Она натянула одежду. Руки дрожали. Слезы душили, но

она не позволила им пролиться. Она не даст ему увидеть, как он её унизил. Как он оттолкнул её. Как он сделал её ничтожной перед собой.

Она спрыгнула со стола. Встала перед ним. Смотрела в его глаза с ненавистью.

— Если бы ты был мужчиной, — сказала она. — Ты бы взял меня. Ты бы сделал хоть что-то смелое в своей жизни. Но ты — трус. Ты боишься чувств. Ты боишься, что я что-то значу для тебя. Ты боишься себя.

Он сжал челюсть. Её слова ранили. Она видела это. Но ей было всё равно.

— Я хотела забыться, — сказала она. — Хотя бы на одну ночь. Но ты не смог даже этого.

Она развернулась и пошла к выходу. Он схватил её за руку.

— Гвеня...

— Не трогайте меня, — сказала она ледяным голосом. — Вы выбрали. Вы остановились. Значит, теперь не имеете права.

Она вырвала руку и вышла из тира. Стояла во дворе, прижавшись спиной к холодной стене. Дышала тяжело, в груди всё горело. Она чувствовала себя грязной, униженной, ничтожной. И безумно злой.

На него. На себя за то, что хотела этого. Что до сих пор хочет.

Он вышел следом. Подошёл к ней. Она отвернулась.

— Поехали, — сказал он.

— Я не сяду с вами в одну машину.

— Сядешь, — сказал он. — У тебя нет выбора.

Она подняла на него глаза. Зелёные, полные ненависти.

— Я ненавижу тебя, — сказала она.

— Я знаю, — ответил он. И в его глазах была такая же боль.

Она села в машину. Всю дорогу они молчали. Она смотрела в окно, а он — на дорогу. Между ними была пропасть. И стена. И ненависть, которая родилась из желания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.